

У

входа в вокзал станции Митрофановка Юго-Восточной железной дороги висит массивная металлическая памятная доска. Она извещает пассажиров о том, что на этой станции останавливался великий писатель земли русской Лев Николаевич Толстой, когда в конце марта 1894 года приехал на хутор Ржевск к своему другу Владимиру Григорьевичу Черткову. Появление этой доски почти через девяносто лет после того события, которому она посвящена, — это плод многолетних усилий местных краеведов-любителей.

Все началось еще в 1951 году, когда михайловский школьник (житель теперешнего Кантемировского района Воронежской области) Володя Фомин впервые упомянул на занятии краеведческого кружка о том, что «на хутор Ржевский приехал Л.Н. Толстой». Это сообщение вызвало большой интерес, и я интенсивно занялся поисками фактов и подробностей пребывания Толстого в наших краях.

Более двадцати послевоенных лет в Митрофановке жила и работала Юлия Александровна Радина — женщина с неброской внешностью, весьма интеллигентная. За ее плечами была интересная и содержательная жизнь. Четыре года она провела на войне, вынесла невероятные тяготы и опасности фронтовой жизни, спасая раненых воинов. Будучи уже на пенсии, она продолжала работать терапевтом в местной больнице. Из беседы с Юлией Александровной я понял, что эта встреча может стать событием в моей краеведческой жизни. Она назвала мне столько имен и продемонстрировала такое знание прошлого нашего края, чего я не мог и предположить в этой опрятенькой и немного странноватой старушке.

Ее отец Александр Иванович Радин работал учителем в Лизиновской школе и столовался в имении Чертковых. Мать, Мария Степановна, воспитывалась в петербургском приюте, который содержала мать Владимира Григорьевича Черткова — Елизавета Ивановна. В 1916 году Александр Иванович Радин был арестован царскими властями за то, что вместе со своими единомышленниками подписал воззвание против войны. Он был посажен в Острогужскую тюрьму. Впоследствии я нашел подтверждение факта ареста отца Юлии Александровны в дневнике старшей дочери Л.Н. Толстого — Татьяны Львовны Сухотиной-Толстой.

Дневник был опубликован согласно ее воле лишь через пятьдесят лет после ее смерти.

Личность Владимира Григорьевича Черткова Юлия Александровна охарактеризовала такой фразой: «Владимир Григорьевич был образованным и очень остроумным человеком. Его трагедия заключалась в расхождении между убеждениями и образом жизни». Этот тезис оставался нерушимым и подтверждался в литературных источниках при моей дальнейшей работе по теме: «Лев Толстой в нашем крае».

Все, что рассказала мне Юлия Александровна, было очень важным, но еще важнее было то, что она дала мне адреса непосредственных свидетелей дружбы Толстого с Чертковым. Последовавшая затем переписка с ними позволила мне писать абсолютно достоверно. Как реликвии я храню письмо Николая Николаевича Гусева, письма и открытки Владимира Владимировича Черткова.

Источниками сведений по интересовавшей меня теме были и другие письма. В.В. Чертков сообщил о нашем интересе к толстовско-чертковской теме А.И. Ростовцевой — внучке Н.Д. Ростовцева, специального помощника В.Г. Черткова по хозяйственным делам, и она прислала мне интересные воспоминания о своем дедушке... Известно, что Чертков осуществлял разностороннюю благотворительную деятельность. Для этого он выделял 5 тысяч рублей из тех десяти тысяч, которые получал ежегодно от матери Елизаветы Ивановны. По указаниям Черткова, Николай Дмитриевич Ростовцев на эти средства организовывал помощь окрестным крестьянам деньгами, одеждой, продуктами. Во время посещения Ржевска в конце марта 1894 года Львом Николаевичем Толстым он раздал самым бедным крестьянам 70 лошадей, специально купленных для этой цели...

Источниками сведений по интересовавшей нас теме явились дневники Л.Н. Толстого, его переписка с Чертковым, дневник Т.Л. Сухотиной-Толстой. В.В. Чертков прислал мне книжку стихов и песен своей матери, Анны Константиновны, и интересные фотографии. Интересным источником знаний явилась книжка Н.Д. Кившенко «Дневник сельской учительницы».

Юлия Александровна Радина назвала имена А.С. Могильной — няни в доме Чертковых, В.П. и С.П. Трегубовых — сыновей П.В. Трегубова, чертковского кучера. С этими, тогда еще живыми свидетелями приезда Толстого в Ржевск, удалось встретиться и записать их воспоминания...



Митрофановский вокзал с мемориальной доской у входа

ВСПОМИНАЮТ СТАРОЖИЛЫ

Будучи приверженным литературно-краеведческой теме: «Л. Н. Толстой на Воронежской земле», я пристрастно собирал и записывал воспоминания тех людей, которые могли сказать что-либо по этой теме. Мне посчастливилось застать в живых некоторых очевидцев и свидетелей пребывания Льва Николаевича в гостях у В. Г. Черткова в Ржевске. Об этих воспоминаниях, впечатлениях и рассказах я писал неоднократно, делал это только после того, как убеждался в достоверности всего, что сообщалось. Но я еще никогда не писал со слов тех, кто сам был свидетелем и очевидцем приезда Толстого в Ржевск и жизни Черткова. Сегодня я хочу это сделать.

Но сначала все-таки о современниках тех лет. Юлия Александровна Радина рассказывала, как ржевский барин Владимир Григорьевич Чертков называл свой дом разбойничьим гнездом. «В этом доме, — говорил он своим зычным и хорошо поставленным голосом, — живут разбойники, и главный разбойник — это я...» Так образно он говорил об угнетении своих крестьян.

Ныне покойная жительница Еленовки Анна Семеновна Могильная, прислуга в ржевском доме Чертковых, с первой же встречи поразила меня своим благородным обликом, глубокой одухотворенностью и интеллигентностью. Я грешным делом и сейчас, посматривая время от времени на ее фотографии, сделанные мною в 1952 году, любуюсь ее особенной, своеобразной красотой. Анна Семеновна рассказывала, что когда у Чертковых был Лев Николаевич с дочерью Марией Львовной, за обеденным столом лишь гостям подавали отдельные приборы. Хозяйка же ели из общей миски деревянными ложками. Спустя много лет я нашел косвенное подтверждение этого рассказа в одном из писем Черткова Толстому. Владимир Григорьевич с каким-то особенным восторгом писал, как ему нравится обедать за одним столом с крестьянами и пользоваться при этом деревянной ложкой.

Теперь о тех, кто вспоминал «по рассказам родителей». В Александровке живет родившийся в 1910 году Андрей Васильевич Рыбалко. Его отец, Василий Захарович, служил у Чертковых в библиотеке или избе-читальне (по-разному называют Андрей Васильевич). Мать служила по дому. От отца Андрей Васильевич слышал рассказ, который я привожу почти дословно:

— Отношение Чертковых к крестьянам, особенно к беднякам, было доброе. Жили одинолично, бедно. Идет вдовушка к Черткову и говорит: «Панэ, у мэнэ мужик помер и трое детишек осталось. Моя нива — пшеница поспела, вже надо косить и некому косить». Чертков спрашивает: «Где твоя нива?» — «Там...» Пан кажэ: «Завтра выходи, косарь тебе будет». Завтра выходэ, а там сам Чертков вышел и скосил. Помогав. Бэре коваленку и идэ косить. Пропадэ у мужика корова, вин идэ до пана, кажэ: «Дети остались без молока. Важко жить». Пан кажэ: «Иди к управляющему, скажи, чтобы дал корову, какая на тебя смотрит». Падет лошадь — даст лошадь...

— Когда Лев Николаевич приезжал в Ржевск, — продолжал свой рассказ Андрей Васильевич — ездил в Александровку. Сказал: являюсь в такое-то время. Не явился. Его искали ночью с фонарями, думали, заблудился. Нашли в Александровке. Беседовал с людьми. Он извинился за то, что задержался.

Пан Чертков перед началом занятий в школе проезжал по бедным людям и снабжал их учебными принадлежностями, чтобы дети учились...

Судьбе было угодно так распорядиться, что Андрею Васильевичу довелось сражаться за знаменитую Ясную Поляну. В 1941 году он служил в 26-м кавалерийском полку 7-й кавалерийской дивизии. Выйдя из окружения под Смоленском, дивизия отступила на Тулу. Двадцать шестой кавалерийский полк возводил оборону возле Ясной Поляны. Тулу не сдали, стояли под ней до декабря 1941 года.

Потом пошли в наступление. Шесть суток бились за Калугу и под новый 1942 год освободили ее от немецких захватчиков. Далее боевой путь Андрея Васильевича пролегал до самого логова врага и был победно закончен в городе Бернштадте. «Труднее всего, — вспоминает Андрей Васильевич, — было под Москвой. В зиму остались в пилотках, в сапогах, шинелях и голодные. Но все вынесли, перетерпели и победили».

Почти ровесник Андрея Васильевича Рыбалко — александровский учитель-пенсионер Иван Иванович Побединский, человек степенный, с мягким голосом, по всему видно, добродушный, довольно эрудированный. Мне его рекомендовали как знатока истории родного края. Иван Иванович рассказал о том, что приходилось ему слышать от своего отца. Иван Авдеевич Побединский служил у Черткова, был до некоторой степени его приближенным. В уборочную страду он обычно бывал тем, кого сегодня называют заведующим током. Иван Иванович помнит такой рассказ отца, касающийся Анны Константиновны Чертковой.

«Бывало, приезжает на ток барыня Анна Константиновна. Просит: остановите молотьбу, чтобы работающие люди отдохнули. А сама тем временем побеседует с людьми. Говорила о неравенстве и несправедливости: «Вот смотрите, как я хорошо одета, а ведь я не работаю. А вы много работаете и такого не имеете». Читала вслух книжки, потом спрашивала у крестьян, кто умеет читать? Грамотным раздавала брошюрки. Давала книжечки и тем, у кого дома были грамотные...»

Этот рассказ перекликается с тем, что слышал Андрей Васильевич от своей матери, служившей прислугой у Чертковых: «Бывало, барыня говорит: «Дуся, хватит работать, иди, отдохни». Эти воспоминания, а их у меня записано не одно, резко контрастируют с тем, что писала о положении прислуги у Чертковых старшая дочь Л.Н. Толстого Татьяна Львовна со слов Марии Александровны Шмидт — убежденной последовательницы Толстого. Она говорила Татьяне Львовне, что Чертковы со своими принципами порой заставляли работать своих подданных буквально до упаду...»

Хочу сказать еще несколько слов о происхождении местных названий, и прежде всего — об «Ольгинской». На географической карте 1902 года теперешняя железнодорожная станция Митрофановка обозначена как «Ольгино». В тексте, который эта карта иллюстрирует, напечатано: «Ольгина». Названия «Ольгинская» я пока нигде не встречал. Почему Лев Толстой в письмах к жене Софье Андреевне писал 27 марта 1894 года: «...До Ольгинской доехали прекрасно», узнать мне не довелось...

Кстати, мое повествование — документальное. В отличие от некоторых сверхмудрых ученых и прагматичных публицистов, я всегда называю источники, из которых добыты те или иные краеведческие сведения. Время неумолимо. Мое поколение краеведов отходит в прошлое. Было бы очень хорошо, если бы краеведческие дела продолжили молодые люди, влюбленные в наш степной край.

Начало 2000-х годов

